

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2010 г. О. С. ПОРШНЕВА*

«НАСТРОЕНИЕ 1914 года» В РОССИИ КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Вступление 19 июля (1 августа) 1914 г. России в Первую мировую войну вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший все общественные слои и регионы страны. Небывалая волна эмоций, вызванных всплеском национальных чувств, была характерна для всех вступивших в мировой конфликт европейских стран. В западной историографии она получила наименование «настроение 1914 года»¹ как метафора, позволяющая охарактеризовать высокий уровень общественной поддержки усилий правительств в условиях начавшейся войны.

Проблема обоснования и поддержания легитимности войны и военных усилий государства со стороны общества является одним из измерений изучения национальной мобилизации в условиях тотальной войны. Последнее, в свою очередь, невозможно без детального изучения опыта 1914 г., когда культурные аспекты военного противоборства проявились с наибольшей силой. Исследование феномена тотальной войны в контексте анализа структур эпохи 1861–1945 гг. позволило, как показал С. Ферстер, выявить факторы, приведшие в современный период к разрушительной тотализации военных действий². Первая мировая война, несмотря на ее «недостаточно тотальный» характер³, продемонстрировала и стирание грани между военным и гражданским населением, и феномен мобилизации всех национальных ресурсов для ведения военных действий, и важность гражданского консенсуса по отношению к войне. Без прямой поддержки гражданского общества переход к этому распространенному типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, был бы невозможен⁴. В ряде работ 1970–1990-х гг., посвященных социокультурным и культурно-интеллектуальным аспектам истории Первой мировой войны, обосновывался вывод о том, что «настроение 1914 года» охватило большинство воюющих стран, когда патриотический подъем, разгул националистических страстей и энтузиазм, связанный с вступлением в войну, сохранились в течение первых ее месяцев⁵.

Несмотря на достижение понимания сути представлений, обусловивших общественную поддержку правительств в условиях войны, в изучении «настроения 1914 года» и поведения людей в условиях мобилизации выявляются все новые проблемы. Более детальное изучение опыта войны в ряде последних работ, прежде всего на уровне отдельных регионов, социальных, гендерных слоев и групп воюющих стран позволило скорректировать, а в ряде случаев поставить под сомнение выводы историографии предшествующих десятилетий⁶. В этом нашло выражение общее изменение методологической ситуации, историографических приоритетов и ракурсов изучения проблемы, «подрывающее» господствующее в историографии выводы. В целом ряде работ конца 1990-х – начала 2000-х гг. подвергается критике представление о всеобщем энтузиазме в связи с началом войны. Получили распространение такие термины как «миф об энтузиазме», «миф о настроении 1914 года», отражающие переосмысление господствовавших ранее стереотипов, основанных на широких обобщениях, не всегда подкрепленных эмпирическими данными. Обобщая данные новейших исследований об опыте

* Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Уральского государственного технического университета.

участия западных государств в Первой мировой войне Б. Дэвис приходит к выводу, что они бросают вызов сложившимся представлениям о природе и даже самом существовании единых национальных идентичностей в этих странах в годы войны, показывая, что попытка правительств создать таковые с помощью войны потерпела неудачу⁷.

До сих пор остается недостаточно проясненным и вопрос о реакции российского общества на начавшуюся войну. Каким «настроение 1914 года» было в России? В 1990-е гг. в противовес концепции советских историков в российской историографии возобладало представление о том, что вступление страны в войну сопровождалось патриотическим подъемом во всех слоях общества, а сама война поначалу была воспринята как Отечественная. Благодаря трудам С.В. Тютюкина, Ю.И. Кирьянова, Е.С. Сениявской, Б.И. Колоницкого и других был сделан решающий шаг на пути к переосмыслению культурно-психологических аспектов участия России в мировой войне, стали специально исследоваться природа патриотических настроений, психология фронта и тыла, системы представлений и восприятий, обусловленных вступлением в войну⁸. В последние полтора десятилетия наметилась тенденция детального изучения военного опыта 1914 г., в контексте более широкой проблемы «война и российское общество». Изучаются массовое и индивидуальное восприятие и истолкование начавшейся войны, формирование образов врагов и союзников, усиливается внимание к проблематике национальной идеологии и идентичности⁹. Рассматриваются поведенческие измерения «настроения 1914 года», такие как участие в мобилизации, добровольческом, благотворительном движении в столицах и провинции¹⁰.

Рассмотрение национальной мобилизации в контексте изучения массовой политики и пропаганды показывает, что в этом отношении Россия имела как общие черты, так и отличия от западных государств. По оценке Р. Стайтса, монархия в России в преддверии войны была не в состоянии осуществлять меры, направленные на патриотическую мобилизацию массового сознания и общественного мнения, а официальная пропаганда была недостаточно развита. Причинами этого были и опасения дать дополнительный импульс панславистским настроениям, распространявшимся с 1870-х гг., и неудачный пропагандистский опыт «полицейского социализма», и недоверие по отношению к «общественности», тем интеллектуальным силам, которые могли бы вести эту работу более эффективно¹¹. На слабость общенациональной консолидации в годы войны указал и исследователь русской патриотической культуры Ф. Хубертус Ян, который отмечал, что русские знали, против кого они воюют, но не знали, за кого и за что¹². О неразвитости национального начала в России в период войны писал в своем исследовании русской революции Р. Пайпс¹³. Среди российских историков слабость официальной патриотической пропаганды, направленной на мобилизацию массового сознания, особо подчеркивает Е.С. Сениявская, которая характеризует ее как слишком абстрактную и непонятную для большинства населения, армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства¹⁴.

В объяснении специфики восприятия войны российским обществом, преобладании патриотических, а не национальных ценностей следует, на мой взгляд, учитывать характеристику сущности феномена патриотизма. Так, О.Ю. Никонова отмечает, что «историками патриотизм часто интерпретируется как форма политического сознания, предшествовавшая национализму, ориентированная на государство (в его донациональной форме) или регион и связанная с традиционными ценностями»¹⁵. Эта специфика ярко проявилась в отношении населения к мобилизации. В современной литературе содержатся различные интерпретации поведения рабочих и крестьян в период мобилизации, в том числе беспорядков призывников в июле–августе 1914 г.¹⁶ Д. Санборн справедливо считает, что в России «мотив правого дела доминировал в реакции масс на мобилизацию и войну, резервисты и гражданские лица в одинаковой степени высказывали мнение, что все российские граждане должны нести одинаковое бремя и что царь и правительство должны делать все для армии»¹⁷. Однако что же скрывалось за представлениями масс о воинской службе как всеобщей обязанности? В них, на наш взгляд, проявлялась специфика России, не учитываемая Д. Санборном, который объясняет от-

ношение народа к мобилизации общими для общественного мнения всех стран-участниц конфликта, национальными по своей сути представлениями о равенстве граждан, а также о том, что «государства должны служить культурным сообществам, связанным с определенной территорией»¹⁸. Применительно к России о таких представлениях можно говорить с определенной долей условности, так как они находились в стадии формирования, а сходное отношение к воинской повинности в среде «низов» имело иное, чисто крестьянское происхождение. Данные петербургского исследователя С.Н. Тутолмина, изучавшего крестьянские жалобы периода войны, показывают, что определяющими в формировании восприятия воинской службы крестьянами были мирские традиции и прежде всего – традиции уравнительности, в соответствии с которыми мобилизация рассматривалась как всеобщая мирская повинность, не допускающая никакого, даже легального, уклонения¹⁹. А.В. Посадский на материалах Саратовской губ. сделал аналогичный вывод о том, что «крестьянин воспринимал свою службу как фатум, а не гражданскую обязанность»²⁰.

Можно выделить некоторые общие черты «настроения 1914 года» в России: прежде всего эмоционально окрашенные, рациональные и символические представления о причинах, целях войны, враге и союзнике своей страны, необходимых общественных усилиях и формах защиты отечества. Война задала новую «сетку» восприятия событий, куда вписывался предшествующий и актуальный опыт. Важными ее координатами были идеи об оборонительном, справедливом характере войны, направленной на отражение внешней агрессии.

Концепция справедливой освободительной войны тиражировалась в печати, в том числе в ежедневных газетах, излагалась в специальных популярных брошюрах, выходивших в издательствах И.Д. Сытина, И.Н. Кушнерова, в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъяснялась с амвонов церковью. Образцом распространенной трактовки причин мировой войны можно считать передовую статью популярного периодического издания – «Альбома героев войны»: «Причина войны одна – желание восстановить нарушенное равновесие Европы. За последние годы гегемония Германии легла тяжелым бременем на всю историю Европейских народов. Быстрый непомерный рост этой страны представляет серьезную опасность для всех окружающих государств. Особенно опасность представляла военная мощь этой страны. Созданная железом и кровью Германская империя представляла из себя вооруженный лагерь. В вечной погоне за вооружением она не знала отдыха. Не довольствуясь господством на суше, она мечтала и о господстве на море. Соорудивши десятки цепелинов, она мечтала и о господстве в воздушной стихии. Германия слишком далеко зашла вперед в своем стремлении к гегемонии над миром»²¹. Пропагандистские образы и концепты не только формировали, но и отражали широко распространившиеся в начале войны представления о справедливой борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов²².

Важным элементом идейно-психологического обоснования войны в странах Антанты было использование в ее оценке клише «война, которая положит конец всем войнам», являвшегося одним из концептов британской пропаганды²³. Широкое распространение данный лозунг и связанные с ним представления получили и в России. Победа Антанты рассматривалась в российских изданиях либерального и демократического толка как условие установления после войны «вечного мира», нового мирового порядка, основанного на «силе права», в противовес «праву силы». Этот новый порядок, основанный на принципах мирного сотрудничества народов, по мысли авторов, сделал бы невозможными войны в будущем. Условием его установления должно было стать искоренение германского милитаризма, начатое мировой войной²⁴. По мнению современных исследователей, эти идеи нельзя недооценивать, это был не только пропагандистский миф. Именно в годы Первой мировой войны общепризнанным стало представление о необходимости внедрения международно-правовых принципов в международные отношения, а понятие «мир» стало неотъемлемой частью идей международного сотрудничества и коллективной безопасности, которые до этого оставались уделом лишь миротворческих движений²⁵.

Характерной общеевропейской чертой «настроения 1914 года», проявлявшейся и в России, было осознание пересечения исторического рубежа²⁶. В газете «Московские ведомости» в первые дни войны отмечалось: «Война – начало новой эпохи в жизни Европы, новой страницы истории, на карту поставлена судьба великих народов Европы. Дело идет обо всем будущем, от текущего момента зависит жизнь и смерть целых государств»²⁷.

Идеи о справедливой войне России и ее союзников за культуру, идеалы права, гуманности, против утверждения Германией права силы, милитаризма и гегемонизма ежедневно пропагандировались всеми легальными изданиями. Однако не столько пропаганда, сколько реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества в наибольшей степени способствовали формированию в общественном сознании образа справедливой освободительной войны. Критические, пацифистские настроения, неприятие официальной пропаганды проявлялись главным образом в среде интеллигенции²⁸. З. Гиппиус не хотела «быть с несчастной, непонимающей происходящего, толпой, заражаться ее “патриотическими” хождениями по улицам», призывала интеллигенцию к молчанию, в то же время отмечая, что «все уже сошли с ума»²⁹. Ф. Степун изобличал официальную идеологию в «публицистической нечестности» и «философском доктринерстве»³⁰. Однако открытое проявление критических взглядов затруднялось не только в связи с вступившими с началом войны цензурными ограничениями³¹, но и доминирующими эмоциями и общественными настроениями.

Пресса, жандармские донесения, дневники, письма и воспоминания участников событий 1914 г. отчетливо фиксируют возникшее у людей ощущение национального единения. Констатация единения перед лицом врага, обоснование необходимости его сохранения в будущем стали одной из тем военного дискурса, особенно в первые дни и недели мирового конфликта. Газеты и журналы публиковали материалы корреспондентов из столиц и провинции о патриотических манифестациях и проявлениях чувств единения³². Достаточно точная характеристика изменения общественных настроений и позиций политических групп дана в «Петроградских ведомостях»: «Общность переживаний объединила непримиримых. Классы, партии, отражавшие самые разнообразные экономические и политические интересы, слились в одно целое, в одну душу. Власть работает рука об руку с активными силами интеллигенции. Русская пресса в эти трудные дни явила высокий пример самоотверженного служения Родине: резкие контуры в направлениях стерты, острые углы в спорах обойдены; многое из того, над чем еще недавно печати приходилось так упорно, а порою мучительно и болезненно работать, отложено в сторону; для самых хаотичных и спутанных условий нашей действительности найдена одна общая почва»³³. Восприятие влияния переживаемого момента на национальное развитие было зафиксировано в ноябре 1914 г. П.Б. Струве в его заключении: «Мы ощутили себя в войне нацией и государством, русскими и Россией»³⁴.

Патриотические и религиозные настроения, объединявшие представителей всех слоев населения – участников массовых манифестаций и молебнов о даровании победы июля – начала августа 1914 г., зафиксированы в жандармских отчетах, других официальных и неофициальных источниках³⁵. Еще накануне войны широкие городские слои населения участвовали в стихийных патриотических демонстрациях. Они прошли 17 июля 1914 г. в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Ялте, Саратове, Новой Ладоге, Тихвине, Тифлисе и других городах³⁶. В Екатеринбурге в манифестации приняло участие свыше 1 тыс. человек, а на следующий день на улицах города вновь появились демонстранты с национальными флагами, пением патриотических гимнов, криками «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Австрию!», «Долой Германию!», причем к 11 час. вечера в городе ходили уже две манифестации³⁷.

Д. Санборн подчеркивает значение праздничного компонента в патриотических демонстрациях, являвшихся своеобразными спектаклями, в стороне от которых оставаться никто не мог³⁸. Н. Фергюссон отмечает, что чувства людей, собиравшихся в толпах на улицах и площадях городов в связи с объявлением войны, нельзя квалифи-

цировать определенно как «энтузиазм» и «эйфорию»: здесь были и тревога, и паника, и даже религиозные переживания, связанные с ожиданием конца света³⁹. Очевидно, что мотивы участия в патриотических манифестациях были более разнообразны, чем это принято считать. Источники позволяют говорить о подавленности и тревоге, как первой реакции на объявление войны рабочим, крестьян и даже представителей средних слоев не только в России, но и в других странах⁴⁰. Однако, как правило, первая психологическая реакция подавлялась и замещалась более осознанной, рациональной. Участие в манифестациях, действия символического и ритуального характера, способствовало закреплению определенного ценностного отношения к войне, независимо от чувств, переживаемых их участниками во время этих акций.

Использование в официальной пропаганде газет, считает В.В. Носков, означало выход на массового читателя, но не на основные массы населения⁴¹. Это справедливо, однако необходимо учесть, что интерес к газете у широких слоев народа в начале XX в. неуклонно возрастал, а с началом войны стал проявляться особенно остро. Рабочие в условиях войны являлись активными участниками и потребителями массовой городской культуры. Они влияли на городской рынок, способствуя обращению такой продукции, как копеечные издания, недорогие газеты и журналы, в особенности – лубки и почтовые открытки⁴². Высоким был интерес деревни к военным событиям. «Темный деревенский народ, – писала газета “Московская копейка”, – как никто интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки. И все же многое остается непонятым»⁴³. В «Вятской речи» в статье, посвященной отношению к войне деревни, отмечалось, что «Жажда народа к известиям с театра войны велика, ...наиболее развитые мужики читают “Русские ведомости”, к “Русскому слову” и “Речи” тянутся алчущие подробностей войны, к “Вятской речи” – менее начитанные, а к “Крестьянской газете” и к “Извещениям” – начинающие читать – школьники, малограмотные и т.п. К иллюстрированным изданиям тянутся все – всем хочется видеть войну в ее наготе»⁴⁴.

После вступления страны в войну происходило целенаправленное, организованное пропагандой, и стихийное, идущее снизу, вписывание ее образа в систему исторических представлений. Осмысление целей борьбы союзников, места в ней России – все это находило исторические аналогии. Наиболее распространенной аналогией Великой войны, «Второй Отечественной», как ее называли современники, как среди интеллигенции, так и в более широких слоях населения, была Отечественная война 1812 года. В либеральном «Вестнике Европы» К.К. Арсеньев сравнил войну 1914 г. с «войной против Наполеона»⁴⁵. В сообщении корреспондента «Петроградских ведомостей» из Саратова говорилось: «Мне кажется, что современное настроение, господствующее в народных массах, ближе всего подходит к настроению 1812 г. (серьезное, трезвое)»⁴⁶. В статье «Московских ведомостей», посвященной ситуации в Петербурге в связи с объявлением войны, корреспондент отмечал: «Старики говорят, что с турецкой войны не было такого одушевления в народе, да в 1812 г., прибавляют они, по воспоминаниям, – наблюдался такой подъем духа у наших предков»⁴⁷. Такое же настроение, по данным газеты, царило в провинции: «Народное воодушевление охватило всю Россию. Со времен 1812 г. не было такого воодушевления. Исчезло левое и правое, нет ни эллина, ни иудея, а только русские, грудью встающие на защиту страны, или приносящие такие жертвы, о которых не было слышно в прежние времена»⁴⁸.

Неудивительно поэтому, что антигерманская коалиция по своему значению и целям ассоциировалась с антинаполеоновской, а России отводилась особая историческая роль и высокая освободительная миссия, сродни той, которую она сыграла в 1812–1815 гг.: «Три сильных державы – Франция, Россия и Англия, силою вещей сблизилась с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале XX в. повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад. Тогда Европа соединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма. Как и тогда, так и теперь душой коалиции является Англия. Как и тогда, гордый брит объявляет, что будет бороться до самого конца,

сколько бы это ему ни стоило и сколько бы времени война ни тянулась»⁴⁹. Как и тогда, главная тяжесть борьбы союзных держав падает на Россию. Как и тогда, Россия не только защищает свое дело. Она защищает вольность, честь и мир Европы⁵⁰.

В обстановке духовного подъема начала войны публицисты выступали за решительный отказ от негативных стереотипов в отношении союзников. С.И. Рапопорт выступил с критикой клише «английский империализм» и разъяснением характера отношений Англии и ее колоний как основанных на автономном управлении и взаимной заинтересованности сторон. «Своим политическим тактом, своей могучей творческой способностью она создала из маленьких отдаленных колоний богатых, сильных и преданных союзников, готовых всегда стать за нее горой. Не следует забывать, что столь неудачно называемый у нас английский империализм на самом деле представляет собою лишь систему круговой поруки»⁵¹. Преодолению национальных предрассудков служила пропаганда позитивных образов не только самих союзников, но и русских в восприятии представителей союзных наций. Это было тем более значимо в отношении англичан, отличавшихся периодическими всплесками русофобии. Так, в «Петроградских ведомостях» в начале войны был опубликован весьма лестный для русского национального самолюбия отзыв о россиянах англичанина Мориса Беринга, корреспондента газеты «Морнинг пост»: «Русские гораздо человечнее и шире, чем народы всех европейских и восточных стран, и поэтому их способность понимания больше, так как поразительная быстрота, с которой они все постигают, идет больше из сердца, чем из головы. Они – самый человечный и самый добрый от природы народ Европы или, выражаясь иначе и, пожалуй, более точно, я сказал бы, что в России больше доброты и гуманности, чем в какой бы то ни было другой стране»⁵².

Леонид Андреев в своих публицистических статьях-очерках 1914 г. «В сей грозный час» показывал влияние «настроения 1914 года» на внутреннее преображение как русских людей, так и союзных народов, изживание отрицательных черт их национального склада. «Энтузиазм – вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы. Где пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю?»⁵³.

Передовой опыт мобилизации материальных и духовных ресурсов на нужды фронта, союзническая солидарность стали насущными темами публикаций ежедневной прессы, обращенной к широкой читательской аудитории. Великобритания представлялась образцом постановки дела национальной мобилизации. В августовской публикации «Петроградских ведомостей», посвященной мобилизации сил и ресурсов России на нужды фронта, констатировалось: «Примером единодушия в этом смысле могут служить нам Англия и другие страны, сконцентрировавшие все внимание вокруг дела войны»⁵⁴. В сентябрьской статье этой газеты были показаны масштабы притока добровольцев в «новую армию лорда Китченера». Подчеркивался общенациональный характер добровольческого движения, охватившего все социальные слои и группы общества, регионы страны. Говорилось о вступлении в английскую армию около 300 тыс. добровольцев, из которых 42 тыс. были жителями Лондона, «в том числе членов аристократических клубов Вест-Энда, вступающих в особый полк королевских стрелков»⁵⁵. В «Московских ведомостях» обращалось внимание на пропагандистский успех англичан и в целом союзников – публикацию в Лондоне «Оранжевой книги» Э. Грея – сборника дипломатических документов, касающихся событий, предшествовавших объявлению войны⁵⁶.

Как и в других европейских странах⁵⁷, в России в связи с началом войны отмечался религиозный подъем как проявление эсхатологического сознания и восприятия войны как конца старого мира. В то же время духовный подъем в России имел специфические черты, был связан с ощущением выполнения сакральной миссии: не только защиты славян, но и всей Европы и мира от «германизма». Начавшаяся война пробудила русское национальное самосознание. Определение предназначения России в контексте ее отношений с Западом и Востоком стало для духовной элиты одним из направлений поиска национальной идентичности, русской идеи⁵⁸. Наибольшую активность в этом проявили

представители неославянофильства, деятели московского Религиозно-философского общества кн. Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн и другие. Это течение общественной мысли было, по отзывам русских современников, в том числе его оппонентов, наиболее значительным и глубоким выражением национального духа⁵⁹.

Разработка неославянофилами национальной идеологии осуществлялась с учетом двойственной природы Запада и единства России с «истинною», христианской Европой. Россия вместе с союзниками боролась с Германской агрессией, порожденной антихристианскими тенденциями Запада. В.Ф. Эрн писал по этому поводу: «Нет, Германия не Европа! Европа анафематствует силу, идущую против права, анафематствует культурное озверение, анафематствует забвение чести и совести. ...Лицом к лицу тут встречаются две мысли, два самоопределения, два лика самой Европы или, еще лучше, Европа и ее двойник. ...Распадение Европы, внешнее и внутреннее, на два враждующих станна... совершенно гармонирует с двойственной славянофильской оценкой Европы как “гниющего Запада” и как “страны святых чудес”, и оно может быть понято только с этой славянофильской точки зрения»⁶⁰. В этой борьбе, по мысли Эрна, Россия впервые вступила в истинное единение с подлинной Европой: «С этой Европой подвига и героизма, с Европой веры и жертвы, с Европой благородства и прямоты мы можем вместе, единым сердцем и единым духом творить единое “вселенское дело”... Россия впервые за все века своего существования вступает в органическое единение с Европой, помогает Европе укоротить зверя, которого она вырастила в лице Германии, следуя законам своего развития в новое время»⁶¹. С.Н. Булгаков писал о борьбе России с «германизмом» как концентрированном выражении духа новоевропеизма, духовных основ мещанства, узко рациональных начал⁶². «Россия – существующая и необходимая часть духовного организма Европы, призванная к духовной самобытности», должна была, по мысли Булгакова, спасти Запад от духовного вырождения, осуществить свое «культурное призвание – быть творческими продолжателями эллинства»⁶³. Вступление русских в Константинополь будет способствовать реализации этой миссии – явить миру нововизантийскую, русско-православную культуру христианского Востока⁶⁴. О распространении неославянофильских и националистических взглядов свидетельствовал посол Франции М. Палеолог, который писал 10 ноября 1914 г. о реакции москвичей на вступление Турции в войну: «Нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания. Естественно, что взрыв изумления и негодования нигде не был сильнее, чем в Москве, священной метрополии православного национализма. В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились вновь романтические утопии славянофильства. Как во времена Аксаковых, Киреевского, Каткова, идея providенциальной мировой миссии России возбуждает в эти дни умы москвичей»⁶⁵.

Характерной чертой «настроения 1914 года» в России было широкое распространение в общественном сознании символической категории – «борьбы за правду Святой Руси», в котором находило воплощение переживание сакрального смысла всемирной борьбы, его православное понимание. Оно было одним из проявлений «русской идеи» как квинтэссенции национального самосознания, имело отчетливый морально-религиозный смысл, было связано с представлениями об особой миссии России в определении судеб славянства. В патриотических брошюрах, православных изданиях, письмах, устной коммуникации этот символизм находил ясное воплощение. «Россия борется за Богом благословенную правду»⁶⁶, «Русь всегда боролась на правое дело, за справедливость»⁶⁷, «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»⁶⁸ – эти символы-мифы национального самосознания имели глубокую культурную укорененность, оказывая значительное влияние в начале войны на восприятие событий. Е.Н. Трубецкой в речи, произнесенной на публичном заседании Московского религиозного общества 6 октября 1914 г., выделял две черты общественного настроения: «слабый интерес к возможным территориальным приобретениям и повышенный интерес к освободительной миссии России»⁶⁹. Л.Н. Андреев в публикациях и свидетельствах начала войны также зафиксировал это настроение: «Один больной, контуженный, слабый, преждевременно поседевший офицер говорил мне с

глубокой верой: “Разве мы для корысти воюем? Нам ничего не нужно. Это война освободительная”. Говорил как о факте, который установлен и давно всем известен. ...Кого бы ни спросил из нынешних крестоносцев, не получу исчерпывающего ответа о целях настоящей войны. “Возрождение Польши, война против войны, борьба с империализмом и милитаризмом, воссоединение национальных единств, борьба христианства с язычеством, культуры материальной и механической с культурой живой и духовной”... Да, все это входит в мечту, но не исчерпывает ее. Она шире всех формул и либо нынче весь мир безумен, либо близок свет, который должен воссиять»⁷⁰. Ф. Степун, бывший в начале войны прапорщиком-артиллеристом, в письме из Иркутска 12 сентября 1914 г. также фиксировал это переживание людьми сакрального смысла событий: «Не ложь, а правда, великая сердечная правда чувствуется ныне отчетливо во всем настроении России, трезвой, сознательной и бескорыстной; чувствуется в толпе, провожающей эшелоны, в вечерней молитве солдат: “Спаси, Господи, люди Твоя”, в тех цветах, которые население несет отправляющимся на войну солдатам и офицерам, в тех белых лентах, которыми завязаны эти цветы, в надписях на них: “Спаси вас, Господь”»⁷¹.

Идея «Святой Руси» учитывалась П.Б. Струве в его попытках разработать национальную идеологию. В статье «Великая Россия и Святая Русь» он попытался обосновать идею неразрывности борьбы за эти два идеала в условиях войны. Он предложил толкование, в соответствии с которым борьба за великую Россию в союзе с западными державами будет направлена на реализацию имперских задач на новой основе представительного строя и правового порядка, по образцу передовых империй того времени. В то же время духовной почвой российского государственного и имперского идеала, по Струве, является идея Святой Руси, которая позволит народу бороться за его осуществление, неразрывно связанное с реализацией Россией ее собственного славянского предназначения⁷².

Религиозный подъем, жертвенность, преодоление эгоизма во имя общих интересов были одними из проявлений духовной атмосферы начала войны во всех европейских странах. М.В. Шмырев отмечает, что общий энтузиазм первых дней войны отражал распространенные иллюзии освобождения от классового эгоизма, сословных привилегий и различий⁷³. Стефан Цвейг, вспоминая первые дни после вступления Австро-Венгрии в войну, описывал и «первый испуг», и «неожиданный энтузиазм», и атмосферу всеобщего единения: «Город в два миллиона, страна почти в пятьдесят миллионов считали в этот час, что переживают исторический момент, неповторимое мгновение, и что каждый призван свергнуть свое крохотное “я” в эту воспламененную массу, чтобы очиститься от всякого себялюбия»⁷⁴. Сходное наблюдение находим у Ф. Степуна: «Сейчас у нас, наверное, и в Германии тоже, действительно наблюдается такое преодоление косности, своекорыстия и эгоизма, о котором в мирное время даже и подумать было невозможно. Не ложь, а правда в том, что ныне многие радостно отдают часть своих удобств и средств в пользу раненых и семейств запасных. Не ложь, а правда в том героизме, с которым ныне многие переносят раны, смерть и безвестную пропажу своих дорогих и близких»⁷⁵. Свидетельством отказа от привычного образа жизни, развлечения, готовности к жертвам стало резкое падение посещения ресторанов и других увеселительных заведений в начале войны. Заработок столичных официантов, сообщали в августе 1914 г. «Петроградские ведомости», сократился почти на 90%, около 70% официантов оставили свою профессию, став кондукторами, посыльными, извозчиками⁷⁶.

Действенной формой патриотизма была благотворительность. 1914 г. ознаменовался небывалым подъемом благотворительной деятельности, в которую оказались вовлечены все слои населения⁷⁷. «Все очень увлечены лазаретами» – эта фраза из письма В.Л. Мчеделова М.Ф. Андреевой, относящегося к концу 1914 г.⁷⁸, емко выражает царившее общественное настроение, порождавшее определенную модель поведения. Не ставя задачи подробного освещения проблемы благотворительности, приведу лишь некоторые свидетельства ее размаха и масштабности в первые месяцы войны. Всего с 20 июля 1914 г. по 1 января 1915 г. только в кассу Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям поступило 78 609 руб. добровольных

пожертвований (в том числе через кружечные сборы)⁷⁹. В пользу раненых воинов и в целом на нужды войны в течение первого ее месяца московские общественные организации и население Москвы внесли около 11 млн руб. и устроили около 20 тыс. коек для раненых, не считая значительных пожертвований личным трудом, полотном, бельем, припасами⁸⁰. Только в Самаре уже на шестой день войны был ассигнован в пользу раненых и семей запасных 1 млн руб.⁸¹ По всей стране, о чем свидетельствовали корреспонденции с мест⁸², кинотеатры осуществляли отчисления сборов на нужды больных и раненых воинов. Кампании пожертвований на войну различных общественных организаций и частных лиц проводились в форме «Дней союзных флагов», кружечных сборов Обществами Красного креста, Ее императорского высочества вел. кн. Елизаветы Федоровны, вел. кн. Татьяны Николаевны, и других.

В благотворительной деятельности участвовали русские подданные немецкого происхождения. По данным газеты «Burger Zeitung», издававшейся в Александровскена-Днепре, на состоявшемся в Наймане, Перекопского уезда 10 сентября 1914 г. съезде представителей разных волостей и волостных старшин было решено предоставить в распоряжение государя императора 20 тыс. пудов муки от крымских немцев всех вероисповеданий. Кроме того, Таврическому комитету по призрению больных и раненых воинов был передан Найманский лазарет в 25 кроватей, с полным продовольствием на все время войны⁸³. Однако эта газета вскоре была закрыта на основании обязательного постановления Екатеринославского губернатора, запрещающего употребление немецкого языка в публичных местах и вывешивание вывесок и объявлений на этом языке. Редакция ответила, что «жалеет, что лишается возможности и впредь выступать на пользу отечества, верными подданными которого всегда были русские немцы»⁸⁴.

Представление о необходимости ликвидации «немецкого засилья», возникшее еще накануне войны, было одним из аспектов «настроения 1914 года». Его разделяли некоторые представители либерально-националистических кругов, часть интеллигенции, обеспокоенной гегемонистскими устремлениями Германии в отношении России, люди из разных классов и сословий, склонные к ксенофобии, видевшие перед собой главным образом иностранца-немца. Данные взгляды базировались, в частности, на восприятии условий торгового договора с Германией 1904 г. как крайне невыгодных и дискриминационных для России, недопустимости сохранения земельной собственности немецких колонистов в условиях острого крестьянского малоземелья, германофобии как форме поиска внутреннего врага. В то же время, как отмечают авторы монографии «Россия и Запад», негативное отношение к немцам развивалось и как реакция на деятельность различных националистических германских обществ, развернувших на рубеже столетий интенсивную пропагандистскую кампанию под лозунгами создания на российской территории германоязычного пояса немецких поселений от Балтики через Украину до Азовского моря. Имело значение и издание закона о двойном подданстве, вступившего в действие 1 января 1914 г. на территории Германии. По этому юридическому акту все этнические немцы, независимо от страны проживания, получили возможность обратиться с прошением о предоставлении им второго, германского подданства, что, естественно, не могло не вызвать болезненной реакции в отношении их статуса в России. Определенный вклад в идеологическое обоснование германофобии сделала и Русская православная церковь, которая рассматривала баптистское и штундистское, а также униатское движения в южных и западных губерниях империи, распространявшиеся не только среди немецких колонистов, но и среди представителей других национальностей, как подрыв своего влияния и экспансию чуждых религиозных конфессий на территорию с традиционно православным населением⁸⁵.

В условиях начавшейся войны с Германией и формирования образа немца-врага антинемецкие настроения получили в России широкий размах. В этой ситуации возникло «Общество 1914 года», поставившее борьбу с немецким засильем внутри страны в качестве своей главной задачи⁸⁶. Устав Общества был утвержден правительством 5 декабря 1914 г.⁸⁷ При этом состав Общества был довольно широким, в него входили и рабочие⁸⁸. Главной задачей Общества провозглашалось «содействовать самостоятель-

ному развитию производительных сил России, ее познанию и просвещению и освобождению русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли, от немецкого засилья»⁸⁹. Ее решение напрямую связывалось с успешным взаимодействием с союзниками. В воззвании Общества от 28 августа 1914 г. говорилось: «Только в союзе с Англией и Францией борьба внутри России против немецкого засилья может быть доведена до полного освобождения нашей Родины от безответственных германских влияний»⁹⁰.

Фоном борьбы с «немецким засильем» было укрепление с началом войны экономического влияния союзников и, прежде всего, Великобритании, на экономическую, политическую и культурную жизнь России. Экономическое сотрудничество России и Великобритании намного опережало формирование союза правительств двух стран и являлось социальной основой союзнических отношений между двумя странами⁹¹.

Не только пресса, но и все другие каналы государственной и общественной пропаганды работали во время войны над формированием образа войны, противников и союзников России. В театрах и кинематографе в 1914 – начале 1915 г. преобладал военно-патриотический, исторический, классический репертуар⁹². Чрезвычайно популярными, дававшими большие сборы в начале войны, были военные кинофильмы. Военные и монархические сюжеты кинохроники шли нарасхват, причем военная кинохроника была любимым зрелищем тех, кто имел живые связи с фронтом, прежде всего крестьян и рабочих⁹³. За 5 первых месяцев войны, с 19 июля по 19 декабря 1914 г., из 103 русских художественных картин, выпущенных на экран, 50 были игровыми, агитационными фильмами, посвященными войне (не считая «кинодекламаций», создававшихся в одном экземпляре специально для эстрадного представления определенного актера; таких фильмов на военные темы вышло не менее 8)⁹⁴. Перед спектаклями в театрах иногда показывали патриотические инсценировки на тему войны. Так, в театре Ф.А. Корша 15 августа 1914 г. сезон открылся «Генеральшей Матреной». Спектакль предваряло особое представление: на сцене по очереди проходили русский, французский, английский, сербский и черногорский солдаты с национальными флагами в руках. Появление каждого из них возвещалось фанфарами и сопровождалось соответствующим национальным гимном. Публика встретила знаменосцев бурными аплодисментами, хотя сам спектакль посчитала неудачным⁹⁵.

Большое распространение в начале войны получил «сатирический» жанр печатной, устной, изобразительной, кино- и театральной пропаганды. Особенно он был действенным в формировании образов противников России в войне, в гораздо меньшей степени, косвенно работал и на формирование позитивного образа союзников⁹⁶.

Ход войны отражался в массовом сознании и помимо пропаганды. Так, стабилизация Восточного фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа нашли отклик в частушке, записанной в 1914г.: Немец битву начинал / И в Варшаве быть желал; / Шел обедать он в Париж – / Преподнес французик шиш⁹⁷.

Как замечает А.В. Голубев, в этой частушке обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте и, во-вторых, то, что уменьшительное «французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер⁹⁸.

В то же время народное сознание фиксировало и отличия между русскими и их союзниками. Русские в сравнении с союзниками несомненно обладали духовными преимуществами – такое представление предполагало оценивание с позиции традиционных этностереотипов. В сборнике солдатских военных песен, изданных в 1915 г., в одной из них говорилось: Что за песни, что за песни / Распевает наша Русь! / Уж как хочешь, брат, хоть тресни / Так не спеть тебе, француз!⁹⁹

Несмотря на наличие общих черт в восприятии начавшейся войны, объединявших все слои населения, «настроение 1914 года» было отнюдь не однородным, можно выделить его варианты, определяемые социальными политическими, индивидуальными различиями. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на специфику восприятия войны рабочими и крестьянами. Вряд ли правомерно говорить о существовании четких

представлений о причинах, целях войны, ее участниках у широкой массы крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения империи. Грянувшую как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне восприняли как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание. В жандармских отчетах в Губернские жандармские управления и отчетах Департамента полиции МВД отмечалась эта специфика восприятия войны крестьянством¹⁰⁰. Многие современники отмечали незрелый, инстинктивный характер крестьянского патриотизма¹⁰¹. Рабочие, имевшие в подавляющей своей части крестьянские корни и сохранявшие живые связи с деревней, являясь носителями трансформированной крестьянской ментальности, во многом разделяли с крестьянством отношение к войне как стихийному бедствию, с которым невозможно бороться. Защищая родину, они не отождествляли национальные интересы со своими собственными. Справедливости ради следует отметить, что комплексное изучение практик национальных мобилизаций, военной истории «снизу» показывает, что даже в условиях большей грамотности населения в европейских странах не только крестьяне и рабочие, но в ряде случаев и часть среднего класса европейских обществ не имели четкого представления о целях войны, национальных интересах своей страны, ее противниках и союзниках¹⁰².

Если в народе в начале войны наибольшее распространение получило стихийное оборончество, то в среде социалистов значительным влиянием пользовалась идейная платформа Лондонской конференции социалистов стран Антанты, прошедшей в феврале 1915 г. Конференция провозгласила борьбу с милитаристской Германией священным делом демократии всех стран. В резолюции конференции, в частности, говорилось: «Социалисты Великобритании, Бельгии, Франции и России, не стремящиеся к экономическому и политическому разрушению Германии, воюют не с народом, а с правительствами Германии и Австрии ...Непоколебимо решившись добиться победы, социалисты не менее непоколебимо намерены сопротивляться всякой попытке превратить оборонительную войну в войну наступательную»¹⁰³. Для вовлеченных в социалистическое движение русских рабочих идея борьбы «европейской демократии» с «реакционной» Германией имела большое значение, являясь обоснованием патриотических усилий, поддержки классового мира и национального единения во имя обороны от внешнего врага.

Общественное уmonoстроение в военные месяцы 1914 г. не оставалось неизменным. Важным фактором его эволюции стали поражения русской армии в Восточной Пруссии, обусловленные военно-стратегическими просчетами и необходимостью оказания помощи союзникам. Несмотря на доминирование мотива общего дела в восприятии союзников, в русском общественном мнении после катастрофы в Восточной Пруссии возникло представление о жертве, принесенной Россией для спасения Франции. Горечь, связанная с осознанием нежелания союзников в полной мере считаться с русскими интересами, отравляла сознание даже тех, кто оправдывал эту жертву. М. Палеолог описывает шоковое состояние, в котором он застал С.Д. Сазонова 30 августа 1914 г., после получения известий о разгроме русской армии при Сольдау и оценку, данную этому событию русским министром иностранных дел: «Мы должны были принести эту жертву Франции, которая показала себя такой верной союзницей»¹⁰⁴.

Недовольство Францией стало распространяться не только в среде крайних правых сил, традиционно настроенных против союза с Третьей республикой, но и в более широких кругах русской общественности. В декабре 1914 г. М. Палеолог записал: «До меня доходит с разных сторон, что в интеллигентской и либеральной среде высказываются по отношению к Франции с таким же недоброжелательством, как и несправедливостью... Теперь к неудовольствиям по поводу финансовых займов присоединяют глупое обвинение: это Франция вовлекла Россию в войну, чтобы заставить вернуть себе Эльзас и Лотарингию ценою русской крови»¹⁰⁵.

Антисоюзнические настроения на фронте и в тылу стали появляться в конце 1914 г. не только в связи с катастрофой в Восточной Пруссии, но и общим затягиванием войны и началом проявления кризиса военно-технического снабжения. Данную ситуацию использовала Германия, которая стала вести планомерную работу по разложению русских

войск и антисоюзнической пропаганде. Как отмечает Б.И. Колоницкий, с помощью аэропланов, специальных мин и воздушных шаров в распоряжение русских войск перебрасывались пропагандистские листовки, немецкие патрули оставляли прокламации у проволочных заграждений. В листовках утверждалось, что Россия напрасно проливает кровь ради выгод ее союзников. Главным объектом дискредитации была Англия, которая якобы втянула Россию в войну за свои эгоистические интересы¹⁰⁶.

Англофобия была одним из аспектов системы воззрений российских правых сил. Консерваторы считали Англию источником смут и социальных потрясений, воплощением вредного для России идеала политико-социального устройства. Кроме того, общепринятым в их среде было мнение, что от войны с Германией выиграет прежде всего Великобритания, привыкшая действовать чужими руками и более всех заинтересованная в войне. Как правило, нелюбовь к Англии сочеталась у правых с германофильством. Идеолог консерваторов П.Н. Дурново писал накануне войны в своей записке Николаю II: «Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к свержению монархии и законного строя»¹⁰⁷. В условиях начавшейся войны с Германией англофобия правых не перестала проявляться и, по меткому замечанию Б.И. Колоницкого, была безопасным и допустимым суррогатом германофильства¹⁰⁸.

Жертвы и потери русской армии вызвали активизацию правых сил и всех противников проанглийской ориентации. В октябре – ноябре 1914 г. С.Ю. Витте выступил с критикой позиции Англии в войне, что было продолжением его борьбы против англо-русского сближения. В письме от 13 октября к вел. кн. Константину Константиновичу по поводу гибели его сына на войне он высказал недвусмысленное предложение прекратить войну с Германией, вопрошая при этом: «Не ведет ли Англия нас на поводу и не приведет ли в такое положение, которое затем потребует от нашего потомства массы жертв, чтобы избавиться от нового друга?»¹⁰⁹. Как свидетельствовал Дж. Бьюкенен, «нападки графа Витте были направлены главным образом против Англии»¹¹⁰. Посол выступил по этому поводу в Английском клубе накануне нового года. В своей речи против «мирной кампании Витте» он изложил обвинения, выдвигаемые против Англии: «Некоторые известные германофилы обвиняют нас в том, что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести весь ужас ее. Эти господа постоянно спрашивают нас: “Где ваш флот? Что делает ваша армия?”». В то же время Дж. Бьюкенен отмечает успех своей речи и положительный резонанс, который она получила в русской прессе¹¹¹.

Таким образом, характеризуя основные черты и тенденции общественных умонастроений в России в 1914 г., следует констатировать, что они определялись реалиями масштабной и кровопролитной борьбы с сильным и опасным врагом, имели как общеевропейские, так и сугубо российские черты, определяемые спецификой русского национального самосознания, менталитета и социального облика массовых слоев. В то же время необходимо отметить, что феномен «настроения 1914 года» нуждается в дальнейшем изучении. Важным представляется учет пространственно-территориального фактора, различающего социокультурные миры города и деревни. Его адекватное осмысление невозможно без учета культурной специфики сельского и городского населения. Важным и интересным представляется более детальное изучение реакции городского населения на вступление в войну и его опыт в условиях тыловой повседневности. Именно в городе наиболее ярко проявились новые тенденции во взаимоотношениях государства и общества, обозначившиеся в России во второй половине XIX – начале XX в., свидетельствовавшие о постепенном становлении гражданского общества. Для понимания характера восприятия войны различными слоями населения важно выявить проблемные поля военного дискурса, их соотношение и роль в межличностной комму-

никации, изучить формы и проявления поддержки или отрицания мобилизационных усилий государства. Данные о степени вовлеченности населения в военные усилия, характере общественной инициативы, деятельности различных добровольных обществ, благотворительных организаций также должны использоваться при изучении общественных настроений в отношении войны. В частности, в городской среде проявился в значительно большей степени по сравнению с сельским миром плюрализм позиций и моделей поведения в условиях войны, что также должно стать предметом пристального исследовательского внимания. Важность регионального фактора российской истории, интерес современной историографии к особенному, индивидуальному и уникальному делают особенно актуальным проведение региональных и локальных исследований. На базе реализации локальных проектов, детализации и индивидуализации исследовательских объектов можно воссоздать картину общественных представлений во всей их полноте и многообразии, продвинуться на пути понимания общего и особенного, типичного и уникального в «настроении 1914 года» в России.

Примечания

¹ Так, «настроение 1914 года» («The Mood of 1914») было названием одной из глав исследования Д. Джолла «Истоки Первой мировой войны»: См.: Joll J. The Origins of the First World War. L.; N.Y., 1984.

² См.: Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 12–27.

³ Д. Байрау обращает внимание на то, что в историографии, посвященной развитию концепции и практики тотальной войны, Первая мировая война характеризуется как «недостаточно тотальная»: см.: Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России. С. 28.

⁴ Ферстер С. Указ. соч. С. 25.

⁵ Leed E.J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 59–62; Joll J. Op. cit. P. 182; Modris E. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. L.; N.Y., 1989. P. 56–63; Ferguson N. The Pity of War. L., 1998. P. 176.

⁶ Davis B. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I // The Journal of Modern History, 2003. Vol. 75, N 1. P. 120–124; Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford; N.Y., 2007; State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997.

⁷ Davis B. Op. cit. P. 120. Этот вывод, на мой взгляд, требует дальнейшего обоснования с учетом логики становления наций и национальных идентичностей, когда в процессе образования и развития наций происходит постоянный процесс эволюции моделей национальной идентичности под влиянием взаимодействия национальных и социальных факторов.

⁸ См.: Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума). СПб., 1999; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; и др.

⁹ Рудая Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Сенявская Е.С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. VI. М., 2006; *ее же*. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Поршнев О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Носков В.В. Первая мировая война и русская идея // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/2. М., 2008; Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. М., 2005.

¹⁰ Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002; Семенова Е.Ю. Культура Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны. 1914 – начало 1918 г. (по материалам Самарской и Симбирской губ.). Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Боришкова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; Опыт мировых войн в истории России; Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Опыт помощи пострадавшим от военных действий. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

¹¹ Stites R. Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914–1917 // European culture in the Great War. Cambridge, 1999. P. 9.

¹² Hubertus Jahn F. Patriotic culture in Russia during World War I. Washington, 1991. P. 212.

¹³ Пайнс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 230.

¹⁴ Сениявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. С. 65.

¹⁵ Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. ст. Челябинск, 2004. С. 490.

¹⁶ См.: Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. С. 203–206; Посадский А.В. Указ. соч.; Астахов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2; Тутолмин С.Н. Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914–1917 гг. // Нестор. 2003. № 6. С. 390–401; Поршинева О.С. Указ. соч. С. 27–29, 91–96, 134–135; и др.

¹⁷ Санборн Д. Указ. соч. С. 212.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Тутолмин С.Н. Указ. соч. С. 401.

²⁰ Посадский А.В. Указ. соч. С. 82.

²¹ Альбом героев войны. 1914. № 1. С. 5.

²² Сениявская Е.С. «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75–85; *её же*. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества; Поршинева О.С. Эволюция образа немца в массовом сознании солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Мат-лы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (03–09.09.1999 г.). Екатеринбург, 2001. С. 273–279; *её же*. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 87–88, 91, 133–140, 180–181; и др.

²³ Marquis A.G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. N 3. P. 486.

²⁴ Вестник Европы. 1914. № 8. С. 427; Лященко П.И. Экономические причины и условия современной войны. Публичная лекция, прочитанная 16 ноября 1914 г. в пользу Томского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам. Томск, 1915. С. 19–21; Россия борется за правду. М., 1914. С. 32. Петроградские ведомости. 1914. 7(20) сентября; Зауральский край. 1915. 27 марта; Оренбургская газета. 1914. 9 октября; Уральская жизнь. 1914. 27 июля, 20 августа; 1915. 18 марта; Оренбургская жизнь. 1914. 21 октября.

²⁵ Мир. Реассе. Альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны. М., 1993. С. 159.

²⁶ Хобсбаум Э. Век империи, 1875–1914. Ростов н/Д. 1999. С. 469.

²⁷ Московские ведомости. 1914. 22 июля.

²⁸ См. Гиппиус З. Синяя книга // Петербургские дневники, 1914–1919. Нью-Йорк; М., 1990. С. 22–24; Степун Ф.А. (Н. Лунгин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 75.

²⁹ Гиппиус З. Указ. соч. С. 23.

³⁰ Степун Ф.А. Указ. соч. С. 75.

³¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1482, л. 26.

³² Вестник Европы. 1914. № 8. С. 418; Биржевые ведомости. 1914. 18 июля; Петроградские ведомости. 1914. 29 августа; Московские ведомости. 1914. 20 июля, 23 июля; и др.

³³ Петроградские ведомости. 1914. 29 августа.

³⁴ Отечество. 1914. 23 ноября. № 4.

³⁵ ГА РФ, ф. 102, 4 д-во, оп. 123, д. 14, ч. 7, л. 17; ГА РФ, ф. 102, оп. 123, д. 73, ч. 7, л. 16; ГА РФ, ф. 102, оп. 123, д. 90, ч. 7, л. 16; Государственный архив Пермского края (далее – ГА ПК), ф. 65, оп. 1, д. 1416, л. 1, 3, 4, 25, 49, 64, 68, 221, 224; Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 73.

³⁶ Московские ведомости. 1914. 18 (31) июля, № 166; Зауральский край. 1914. 19, 20 июля.

³⁷ Зауральский край. 1914. 19, 20 июля; ГА ПК, ф. 65, оп. 1, д. 1416, л. 1.

³⁸ Санборн Д. Указ. соч. С. 206.

³⁹ Ferguson N. Op. cit. P. 177.

⁴⁰ State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. P. 225; Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford; N.Y., 2007. P. 19–23; Порш-

нева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 88–90, 133.

⁴¹ Носков В.В. Указ. соч. С. 85.

⁴² Хубертус Я.Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 381.

⁴³ Московская копейка. 1915. 19 января.

⁴⁴ Вятская речь. 1915. 9 января.

⁴⁵ Вестник Европы. 1914. № 8. С. 423.

⁴⁶ Петроградские ведомости. 1914. 24 августа (6 сентября).

⁴⁷ Московские ведомости. 1914. 23 июля.

⁴⁸ Московские ведомости. 1914. 25 июля.

⁴⁹ Альбом героев войны. 1914. № 1. С. 5.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Рапопорт С.И. Англия и ее колонии // Русская мысль. 1914. Кн. 10. С. 113–114.

⁵² Петроградские ведомости. 1914. 28 августа (10 сентября).

⁵³ Андреев Л.Н. В сей грозный час. Статьи. Пг., 1914. С. 66.

⁵⁴ Петроградские ведомости. 1914. 21 августа (3 сентября).

⁵⁵ Там же. 12 (25) сентября.

⁵⁶ Московские ведомости. 1914. 29 июля. № 175.

⁵⁷ См.: Ferguson N. Op. cit. P. 207–209.

⁵⁸ См.: Носков В.В. Указ. соч. С. 51–87.

⁵⁹ Там же. С. 67.

⁶⁰ Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 373, 376, 397.

⁶¹ Там же. С. 382, 398.

⁶² Булгаков С. Война и русское самосознание. Публичная лекция. М., 1915. С. 21–33, 44–49.

⁶³ Там же. С. 28, 33.

⁶⁴ Там же. С. 56.

⁶⁵ Палеолог М. Указ. соч. С. 124.

⁶⁶ Россия борется за правду. М., 1914. С. 4.

⁶⁷ Там же. С. 30.

⁶⁸ Великая война 1914 года. Пг., 1914. С. 4.

⁶⁹ Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. декабрь. № 12.

⁷⁰ Андреев Л.Н. Указ. соч. С. 66–69.

⁷¹ Степун Ф. Указ. соч. С. 5–6.

⁷² Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 177–180.

⁷³ Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 547.

⁷⁴ Цит. по: там же.

⁷⁵ Степун Ф. Указ. соч. С. 5–6.

⁷⁶ Петроградские ведомости. 1914. 23 августа.

⁷⁷ Этой теме посвящены специальные диссертационные исследования и монографии, фрагментарно данный сюжет освещается в работах по истории Российского общества в годы Первой мировой войны.

⁷⁸ Дадамян Г.Г. Театр в культурной жизни России (1914–1917 гг.). М., 2000. С. 45.

⁷⁹ Отчет состоящего под высочайшим его императорского величества покровительством Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1914 год. Пг., 1915. С. 118.

⁸⁰ Петроградские ведомости. 1914. 29 августа (11 сентября).

⁸¹ Московские ведомости. 1914. 25 июля.

⁸² Вестник кинематографии. 1914. № 100 (20), 15 октября. С. 16–20.

⁸³ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1713. л. 59.

⁸⁴ Там же, л. 67.

⁸⁵ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 54.

⁸⁶ ГА РФ, ф. 102, ДП. 4-е д-во, оп. 123, д. 181, л. 43.

⁸⁷ Там же, л. 41.

⁸⁸ Там же, л. 55.

⁸⁹ Там же, л. 43.

- ⁹⁰ Там же, л. 33.
- ⁹¹ См.: Рудая Е.В. Указ. соч. С. 178.
- ⁹² Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 191–192; Петровская И.Ф. Театр и зритель российских столиц. 1895–1917. Л., 1990. С. 58.
- ⁹³ См.: Гинзбург С. Указ. соч. С. 178–183; Хубертус Я.Ф. Указ. соч. С. 390.
- ⁹⁴ Гинзбург С. Указ. соч. С. 191–192.
- ⁹⁵ Дадамян Г.Г. Указ. соч. С. 12.
- ⁹⁶ См.: Смех и сатира. 1914. сентябрь–декабрь. № 39–50; Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. М., 1915.
- ⁹⁷ Симаков В.И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. Пг., 1915. С. 9.
- ⁹⁸ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 166.
- ⁹⁹ Солдатские песни. Сборник военных песен. Ярославль, 1915. С. 16.
- ¹⁰⁰ См.: ГА РФ, ф. 102, ДП. 4-е д-во, оп. 124, 1915 г., д. 108, ч. 156 л. 11; Центральный государственный архив Республики Башкортостан, ф. И-187, оп. 1, д. 551, л. 76; ГА ПК, ф. 714, оп. 1, д. 1596, л. 28–33, 84.
- ¹⁰¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.; Л., 1929. С. 72; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне: В 2 т. Т. 2. Париж, 1939. С. 125; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М., 1991. С. 89; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 157; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 270; Уральская жизнь. 1914. 19 декабря.
- ¹⁰² State, Society and Mobilization in Europe...; Ziemann B. Op. cit. P. 19; Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 531.
- ¹⁰³ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990. С. 241–242.
- ¹⁰⁴ Палеолог М. Указ. соч. С. 94.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 138.
- ¹⁰⁶ Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. С. 273.
- ¹⁰⁷ Российский Нострадамус (Публикация записки П.Н. Дурново) // Родина. 1993. № 8/9. С. 12.
- ¹⁰⁸ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 274.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 387.
- ¹¹⁰ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., б.г. С. 138.
- ¹¹¹ Там же.

© 2010 г. Н. А. И В Н И Ц К И Й *

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ» (1955–1962) (Из автобиографических заметок «Трудный путь в науку»)

В июне 1954 г. состоялся неожиданный для меня разговор с директором Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР В.И. Шунковым, известным ученым, специалистом по истории земледелия в Сибири в XVII – начале XVIII в. Думал, что речь пойдет о комиссии по истории земледелия Института истории. Но Виктор Иванович, познакомившись со мной, сообщил, что принято решение о создании журнала «Исторический архив» для публикации документальных материалов и научных статей по архивоведению и археографии. Главным редактором журнала утвержден В.И. Шунков, а на должность его заместителя дирекция Института истории рекомендует мою кандидатуру. Я попытался отказаться, ссылаясь на то, что никогда

* Ивницкий Николай Алексеевич, доктор исторических наук.